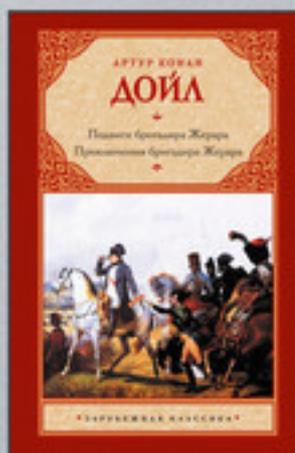

Артур Конан Дойл

Подвиги бригадира Жерара

*Часть сборника
Подвиги бригадира Жерара.
Приключения бригадира Жерара
(сборник)*

Бригадир Жерар

Артур Дойл

Подвиги бригадира Жерара

«АСТ»

1896

Дойл А. К.

Подвиги бригадира Жерара / А. К. Дойл — «АСТ»,
1896 — (Бригадир Жерар)

Произведение английского писателя XIX века относится к классике мировой литературы. Его проза увлекательна, остросюжетна и удивительно романтична. Вымышленное здесь органично сочетается с достоверным, а сам герой, бригадир Жерар, в свое время был не менее популярен, чем Шерлок Холмс.

© Дойл А. К., 1896

© АСТ, 1896

Содержание

Глава I	6
Глава II	18
Глава III	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Артур Конан Дойл

Подвиги Бригадира Жерара

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Глава I

Как бригадир попал в темный замок

Вы молодцы, друзья, что относитесь ко мне с почтением. Уважая меня, вы уважаете Францию и свой народ. Знайте, перед вами не просто седоусый офицер, который ест омлет или попивает вино, а часть истории. Мало осталось нас, тех славных людей, что стали ветеранами в юности, научились держать саблю раньше, чем бритву, и в сотне сражений ни разу не показали неприятелю, какого цвета у них ранцы. Двадцать лет мы учили Европу воевать, а когда она усвоила урок, победить Великую армию ей удалось лишь термометром, но уж никак не штыком. В конюшнях Берлина, Неаполя, Вены, Мадрида, Лиссабона, Москвы – всюду стояли наши кони. Да, мои друзья, вы молодцы, что посылаете ко мне своих детей с цветами, ибо эти самые уши слышали, как поют трубы Франции, эти самые глаза видели ее знамена в таких краях, где их, может статься, и не увидят больше.

До сих пор, стоит задремать в кресле, мне чудится, что мимо течет доблестное воинство – егеря в зеленых мундирах, рослые кирасиры, уланы Понятовского, драгуны в белых плащах, конные гренадеры в высоких медвежьих шапках. Рассыпается барабанная дробь, сквозь клубы дыма и пыли проступают ряды киверов и обветренные лица, среди леса штыков колышутся красные султаны. Вот скачут рыжеволосый Ней, Лефевр с бульдожьей челюстью и горделивый гасконец Ланн; горит на солнце медь, развеваются перья, и тут я вижу его – человека с холодной улыбкой, покатыми плечами и взглядом, устремленным вдаль. Я кричу ему надтреснутым голосом, вскакиваю, протянув дрожащую руку... но тут сон мой обрывается, и мадам Тито вновь хохочет над стариком, что живет в окружении призраков.

Когда походы наши завершились, я командовал бригадой и ждал повышения в чин дивизионного генерала, однако, рассказывая о победах и тяготах солдатской жизни, я хочу обратиться к более ранним дням. Офицер, под началом у которого множество солдат и лошадей, помыслить ни о чем не может, кроме рекрутов, конского пополнения, фуража, кузнецов и квартир. Даже в часы отдыха ему не до шуток. А вот если он простой лейтенант или капитан и на его плечах нет ноши тяжелее эполетов, то он звенит шпорами и взмахивает ментиком, пьет вино, целует красавиц и думает лишь о том, как показать свою удаль. Тогда-то он и попадает во всякие приключения, а потому в историях своих я поведу речь именно об этой поре. Сегодня вечером я расскажу о том, как побывал в Темном замке, о загадочном деле младшего лейтенанта Дюрока и ужасной встрече с тем, кто раньше носил имя Жана Карабена, а потом стал зваться бароном Штраубенталем.

В феврале 1807 года, сразу после взятия Данцига, нам с майором Лежандром поручили доставить из Пруссии на восток Польши четыре сотни конского пополнения. Суровая зима и великая битва при Эйлау погубили столько лошадей, что наш отважный гусарский полк едва не превратился в батальон легкой пехоты. Мы с майором знали, что нас очень ждут на передовой позиции. Продвигались мы, однако, не слишком быстро, поскольку снег лежал глубокий, дороги были отвратительные, а помогало нам всего-то двадцать солдат, догонявших свои части. Кроме того, лошадей мы кормили чем Бог послал, а в иные дни и вовсе не могли раздобыть фуража, так что они еле плелись. В книгах кавалерия всегда проносится мимо бешеным галопом, я же после двенадцати кампаний рад был и тому, что моя бригада на марше едет шагом, а в присутствии врага – рысцой. Заметьте, я рассуждаю сейчас о гусарах и егерях, что уж говорить о кирасирах и драгунах.

Сам я очень люблю лошадей, и когда под моим началом оказалось четыре сотни, все – разных лет, мастей и норовов, я с большим удовольствием о них заботился. В основном они были из Померании, некоторые – из Нормандии и Эльзаса, и нас немало позабавило наблю-

дение, что лошади различаются характерами, так же, как жители этих мест. Кроме того, мы заметили и позже я не раз в этом убедился, что натуру коня можно угадать по его масти: красавец буланый – капризный неженка, гнедой – смельчак, чалый послушен, а караковый любит упрямиться. Все это никакого отношения не имеет к нашей истории, но разве может кавалерист продолжить рассказ, если в самом начале ему попадается четыреста скакунов? Таков уж мой обычай – говорить о том, что меня волнует. Надеюсь, это будет интересно и вам.

Мы переправились через Вислу напротив Мариенвердера и остановились в Ризенбурге. На почтовой станции майор Лежандр вошел ко мне в комнату с бумагой.

– Вы нас покидаете! – в отчаянии воскликнул он.

Известие меня несколько не огорчило. С вашего позволения, Лежандр был едва ли достоин такого подчиненного. Тем не менее я отдал честь, не сказав ни слова.

– Приказ Лассалья, – продолжал майор. – Немедленно поезжайте в Рёссель, в штаб полка.

Услышав это, я несказанно обрадовался. Старшие офицеры меня ценили. Очевидно, полк вскорости ожидала серьезная работенка, и Лассаль понял, как трудно придется моему эскадрону без меня. По правде говоря, приказ доставили рановато, ведь у станционного смотрителя была дочь – белолицая, черноволосая польская красавица, с которой я рассчитывал свести знакомство поближе. Однако пешке не пристало спорить, когда ее двигают на другую клетку. Я спустился во двор, оседлал своего вороного Ратаплана и немедленно отправился в путь.

Клянусь, для бедных поляков и евреев, в чьей унылой жизни так мало радостей, мое появление стало настоящим праздником! Длинные черные ноги и дивные изгибы боков Ратаплана так и блестели, так и переливались в морозном воздухе. У меня до сих пор загорается кровь, стоит вспомнить, как стучат по дороге копыта и при каждом взмахе гордой головы звенят удила. Вы, наверное, хотите представить, каков был в двадцать пять лет я, Этьен Жерар, лучший наездник и самый лихой рубака в десяти гусарских полках? Цветом нашего, Десятого, был голубой – доломан цвета неба и такой же ментик с алыми шнурами на груди. В армии говорили, что при виде нас все бегут: женщины – к нам, а мужчины – прочь. Глаза, сиявшие тем утром в окнах Ризенбурга, казалось, умоляли меня остаться, но что мог поделывать солдат, кроме как послать воздушный поцелуй и потряхнуть поводьями, проезжая мимо?

Зима меньше всего подходит для путешествий по беднейшей и самой унылой стране Европы, однако над головой моей раскинулось чистое небо, а снег на полях сверкал под холодным солнцем. Дыхание клубилось в морозном воздухе, из ноздрей Ратаплана вылетали султаны пара, а на краях его мундштука висели сосульки. Чтобы согреть коня, я пустил его рысцой, а сам задумался и почти не замечал холода. К северу и югу тянулись бескрайние равнины, усеянные темными крапинами ельников и более светлыми заплатками лиственниц. Тут и там стояли крестьянские домики; впрочем, Великая армия проходила здесь всего три месяца назад, а вы понимаете, что это значит для сельских жителей. Нет, поляков мы не трогали, но из сотни тысяч наших солдат фургонами с провиантом располагала только гвардия, остальные обходились, как могли. Меня совсем не удивило, что нигде не видно ни скота, ни дыма из труб. Великая армия опустошила эти земли. Говорили, после солдат императора нечем поживиться даже крысам.

К полудню я был в деревне Саальфельд, но поскольку ехал в сторону Остероде, где зимовал император и стояли семь пехотных дивизий, тракт заполнили повозки и экипажи. Глядя на ящики со снарядами, фургоны, курьеров, бесконечный поток новобранцев и отставших солдат, я понял, что не скоро еще присоединюсь к своим товарищам. В полях снегу навалило по грудь, так что мне оставалось лишь тащиться вместе со всеми. Как же я обрадовался, обнаружив еще одну дорогу, которая отходила от главной и вела через ельник на

север! На перекрестке был трактирчик, во дворе как раз сидел по коням разъезд Конфланского полка – того самого Третьего гусарского, в котором я потом служил полковником. На крыльце стоял их командир, стройный белолицый юноша, похожий больше на семинариста, чем на предводителя этих чертяк.

– Добрый день, месье, – сказал он, когда я натянул поводья.

– Добрый день. Лейтенант Десятого полка Этьен Жерар к вашим услугам.

По лицу видно было, что он обо мне наслышан. Да и кто не слышал про меня после поединка с шестью учителями фехтования? Однако держался я запросто, и вскоре молодой человек перестал смущаться.

– Младший лейтенант Дюрок из Третьего, – представился он.

– Недавно на службе?

– С прошлой недели.

Так я и подумал, увидев, какая бледная у него кожа и как вольно держатся в седле гусары. Правда, я и сам не так давно узнал, каково мальчишке приказывать ветеранам. Помните, я краснел, покрикивая на солдат, у которых за плечами больше сражений, чем у меня – лет. Мне все время казалось, что приличнее сказать им: «Не изволите ли построиться в шеренгу?» или «Если вы не возражаете, пустимся рысью». Потому я не стал винить лейтенанта в том, что люди не очень-то его слушают, а только бросил на них суровый взгляд. Голубчики сразу выпрямили спины.

– Скажите, месье, куда вы направляетесь по этой дороге? – спросил я.

– Мне поручено разведать обстановку до Аренсдорфа.

– Тогда я, с вашего позволения, присоединюсь к вам. Очевидно, что окольный путь намного быстрее.

Так оно и вышло. Дорога уводила в глубь местности, где хозяйничали казаки и мародеры, и была в отличие от главного тракта совершенно пуста. Мы с лейтенантом ехали впереди, за нами скакали шестеро гусаров. Дюрок оказался славным малым, но голова у него была забита чепухой, которой учат в Сен-Сире. Он больше знал об Александре и Помпее, чем о том, как смешать фураж и ухаживать за копытами лошади. И все же, повторюсь, он был славный малый, еще не испорченный бивацкой жизнью. Я с удовольствием слушал его рассказы о сестре Мари и матери, что остались в Амьене. Наконец мы въехали в деревеньку под названием Хайенау. Дюрок остановил коня у почтовой станции и кликнул смотрителя.

– Скажите, – обратился к нему юноша, – не живет ли в этих местах человек, называющий себя бароном Штраубенталем?

Тот покачал головой, и мы продолжили путь. Я не придавал этому никакого значения, однако в следующей деревне мой спутник повторил вопрос и снова не получил ответа. Тут я не выдержал и поинтересовался, кто же такой барон Штраубенталь.

– Это господин, – сказал Дюрок, и его нежное лицо залилось румянцем, – которому я должен передать кое-что важное.

Любопытства моего это ничуть не умерило, однако я заметил, что лейтенант не склонен со мной откровенничать. Больше я не сказал ни слова, а Дюрок продолжал спрашивать о бароне Штраубентале у каждого крестьянина.

Я же, как и полагается офицеру легкой кавалерии, осматривал местность, подмечая, в какую сторону текут реки и где их можно перейти вброд. Мы все больше удалялись от лагеря, вдоль флангов которого ехали. Далеко на юге в морозном воздухе султанами клубился дымок – то были наши аванпосты. А вот к северу ничто не отделяло нас от зимних квартир русской армии. Дважды вдали сверкнула сталь, и я обратил на вспышки внимание своего товарища. С такого расстояния мы не видели, что там происходит, однако не сомневались – это блещут на солнце копыта мародерствующих казаков.

На закате мы выехали на вершину пологого холма. Справа была небольшая деревня, а слева над верхушками сосен чернели башни какого-то замка. Навстречу нам шел крестьянин с телегой – косматый, сгорбленный, в овечьем тулупе.

– Что это за деревня? – спросил у него Дюрок.

– Аренсдорф, – ответил немец на своем варварском наречии.

– Вот где мы должны заночевать, – сказал мой товарищ.

Он снова повернулся к крестьянину и задал неизменный вопрос:

– Не подскажешь, как найти барона Штраубенталя?

– Так ведь он – хозяин Темного замка, – ответил мужчина, указав на башенки, темневшие над лесом.

Дюрок закричал, точно охотник, поднявший зверя. Поначалу я решил, что бедняга тронулся умом – глаза его засверкали, а лицо побелело как полотно. Он так оскалился, что поселения отпрянул. До сих пор я вижу эту картину: юноша на гнедом коне подался вперед, не сводя пылающего взгляда с огромной черной башни.

– Почему ты назвал замок Темным? – спросил я.

– Все в округе так его кличут, – ответил крестьянин. – Говорят, недобрые дела в нем творятся. Недаром же там четырнадцать лет живет злодей, хуже которого во всей Польше не сыскать.

– Хозяин – польский дворянин?

– Нет, в нашей земле такие не рождаются.

– Значит, француз? – оживился Дюрок.

– Да, вроде бы, из Франции.

– Рыжий?

– Как лис.

– Да! Это он! – воскликнул мой товарищ, дрожа от нетерпения. – Сама судьба указала мне путь сюда, есть в мире справедливость!.. Скорее, месье Жерар. Сначала я должен расквартировать своих людей.

Он дал коню шпоры, и десять минут спустя мы были у дверей гостиницы Аренсдорфа, где солдаты расположились на ночь.

Я, человек посторонний, и представить не мог, что все это значит. Рёссель был далеко, но я решил проехать еще немного и попытаться счастья – вдруг попадетя у дороги какой-нибудь амбар, где мы с Ратапланом сможем найти пристанище. Одним глотком осушив бокал вина, я вскочил в седло, но тут на улицу выбежал Дюрок и положил руку мне на колено.

– Месье Жерар, – выдохнул он, – молю, не бросайте меня!

– Дорогой мой друг, – ответил я, – тогда вам придется рассказать, в чем дело и чего вы от меня хотите.

– Помощи! – воскликнул он. – Судя по тому, что я слышал о вас, лучшего союзника не найти.

– Вы забываете, что я должен ехать в свой полк.

– Сегодня в Рёссель вам никак не поспеть. Приедете завтра. Я буду перед вами в неоплатном долгу, если вы останетесь. Речь идет о моем добром имени, о чести моей семьи. Правда, не скрою, дело рискованное.

Он знал, как меня зацепить. Конечно, я спешил и приказал конюху отвести Ратаплана в стойло.

– Давайте вернемся в дом, – предложил я, – и вы объясните, что я должен сделать.

В общей комнате Дюрок запер дверь, чтобы нам никто не мешал. Лампа осветила его честное лицо и серебристо-серый мундир, который невероятно ему шел.

Я взглянул на этого стройного юношу, и сердце мое оттаяло. Не скажу, чтобы он держался лучше, чем я в его годы, но сходства было достаточно, и я проникся к нему сочувствием.

– Никакой особенной тайны тут нет, – начал он. – Ваше любопытство было вполне естественным, и если я до сих пор отмалчивался, то лишь потому, что мне и вспомнить больно о своем горе. Однако я не могу просить вас о помощи, ничего не рассказав.

Мой отец, Кристоф Дюрок, известный банкир, погиб во время Сентябрьских убийств. Как вы знаете, толпа врывается в тюрьмы, назначала трех так называемых судей, те выносили несчастным аристократам приговор, а потом бросали их в лапы кровожадной черни. Мой отец всю жизнь помогал беднякам, и за него просили многие. Его принесли в жару, полумертвого, на одеяле. Двое судей хотели помиловать несчастного; третий, молодой якобинец, которого этот сброд уважал за огромный рост и жестокость, стащил больного с носилок, долго пинал его тяжелыми сапогами, а затем вышвырнул на улицу. Отца растерзали. Я не в силах вам описать, в каких мучениях он умер. Как видите, даже по меркам негодяев это было убийство, поскольку двое из них высказались в пользу подсудимого.

Когда в стране вновь установился порядок, мой старший брат навел справки об этом злодее. Я, тогда еще мальчишка, слышал, что говорят родные. Подлеца звали Карабен. Он служил в гвардии Сантера и слыл отчаянным бретером. Когда якобинцы схватили некую баронессу Штраубенталь, он освободил ее, но заставил пообещать, что она, со всем своим богатством в придачу, достанется ему. Так Карабен женился, взял ее фамилию и титул, а когда Робеспьеру пришел конец, бежал из Франции. Мы потеряли его след.

На первый взгляд найти мерзавца было проще простого, ведь мы знали его новое имя. Однако после революции семья наша обеднела, а вести поиски без денег весьма затруднительно. Когда настало время Империи, нам пришлось еще тяжелее. Наполеон, как известно, решил, что восемнадцатого брюмера по всем счетам заплачено и больше вспоминать о прошлом не стоит. Но мы ничего не забыли.

Мой брат вступил в армию и прошел с ней весь юг Европы, расспрашивая о бароне Штраубентале. В прошлом октябре он погиб под Йеной, так и не отомстив за отца. Настала моя очередь. Мне повезло – чуть ли не в первой польской деревушке за две недели до отправки в полк я услышал про своего врага. А затем повезло еще больше – я встретил того, о ком в армии отзываются как о храбрейшем и благороднейшем человеке.

Все это было прекрасно, я слушал Дюрока с живейшим интересом, однако по-прежнему не понимал, чего он от меня хочет.

– Как же вам помочь?

– Пойдемте со мной.

– В замок?

– Именно.

– Когда?

– Тотчас же.

– Что вы собираетесь делать?

– Пока не знаю, но все же лучше, чтобы рядом были вы.

Что ж, от приключений я никогда не отказывался, а кроме того, всем сердцем сочувствовал юноше. Прощать врагов – хорошее дело, однако пусть им тоже будет что нам простить. Я протянул ему руку.

– Наутро я выезжаю в Рёссель, а сейчас – к вашим услугам.

Мы оставили гусар в теплых комнатах, а сами отправились в замок. До него было всего километра полтора, а потому лошадей мы не взяли.

По правде говоря, тяжело смотреть на кавалериста, идущего пешком. В седле он первый на свете щеголь, но нет зрелища смешнее, когда он приподнимает саблю и ташку и

ступает, разводя пятки, чтобы колесики шпор не зацепились друг за друга. Однако мы с Дюроком были в том возрасте, когда в любых обстоятельствах выглядишь удалцом. Смею поклясться, ни одна дама не сморщила бы носик при виде двух молодых гусаров, которые вышли той ночью с почтовой станции Аренсдорфа. Оба мы вооружились саблями, а я вдобавок вытащил из седельной кобуры пистолет и спрятал его под ментиком, поскольку меня одолевало предчувствие, что работенка ждет непростая.

Дорога петляла по ельнику. Темно было хоть глаз коли, только над головой сверкала звездами рваная заплатка неба. Наконец деревья расступились, и перед нами встала огромная мрачная твердыня. От нее так и веяло седой древностью, по углам торчали башенки, а с той стороны, что ближе к нам, высился квадратный донжон. Свет горел лишь в одном окошке, кругом царил мертвая тишина. Было в этой безмолвной громаде что-то зловещее – недаром же замок прозвали Темным. Мой товарищ решительно зашагал по неухоженной дороге к воротам, и я последовал за ним.

На огромной двери не оказалось ни колокольчика, ни молотка. Пришлось дубасить в нее рукоятями сабель, чтобы привлечь внимание. Наконец нам отворил тощий человек с крючковатым носом и окладистой бородой. В одной руке он сжимал фонарь, другой придерживал на цепи громадного черного пса. Незнакомец был в ярости, но едва увидел наши мундиры и лица, сник и сдержанно нахмурился.

– Барон Штраубенталь не принимает в такой поздний час, – сообщил он по-французски без всякого акцента.

– Доложите барону Штраубенталью, что ради встречи с ним я проделал немалый путь и пока не увижу его, с места не двинусь, – отчеканил мой товарищ.

Даже я не мог бы ответить лучше.

Человек покосился на нас и в сомнении погладил черную бороду.

– Правду сказать, господа, барон обычно выпивает по вечерам бокал-другой вина. Возвращайтесь утром, и вы встретите в нем куда более приятного собеседника.

Он приоткрыл дверь, и в свете лампы я увидел, что в зале стоят трое молодчиков, держа на цепи еще одного чудовищного пса. Дюрок наверняка их заметил, однако нисколько не смутился.

– Довольно, – заявил юноша, оттолкнув бородача. – Говорить я буду с твоим хозяином.

Люди расступились. Вот какую власть имеет человек над противниками, если он в себе уверен, а те – сомневаются. Мой товарищ хлопнул одного из головорезов по плечу, точно слугу.

– Веди меня к барону.

Тот пожал плечами и ответил что-то на польском. Видимо, по-французски говорил только бородач, который тем временем запер на засов дверь.

– Будь по-вашему, – сказал он, зловеще ухмыляясь. – Ступайте к барону. Очень скоро вы пожалеете, что не послушали моего совета.

Вслед за ним мы пересекли огромный зал. Пол в нем был вымощен каменными плитами, тут и там валялись шкуры, а со стен глядели на нас головы диких зверей. Дойдя до конца, человек толкнул дверь, и мы вошли.

В маленькой, почти пустой комнате, как и всюду, царил грязь и разруха. Стену закрывал выцветший гобелен; один его угол повис, обнажив грубую кладку. Напротив была еще одна дверь, занавешенная портьерой. Перед ней стоял длинный стол с грязными блюдами, объедками и винными бутылками, а во главе, лицом к нам, сидел великан – истинный лев с копной огненно-рыжих волос и свалывшейся, жесткой, точно лошадиная грива, бородачей. На своем веку я видел немало странных лиц, но еще не встречал такой зверской физиономии. Голубые глазки сверкали злобой, бледные щеки ввалились и сморщились, а из чудовищной

бороды торчала толстая губа. Барон качнул головой и вперил в нас мутный взгляд. Штраубенталь хоть и был пьян, все же заметил, какие на нас мундиры.

– Ну, brave солдатики, – сказал он, икнув, – что новенького в Париже? Вы, говорят, хотите освободить Польшу, а сами стали рабами – рабами аристократишки в серой шинели и двуголке. Я слышал, и граждан больше нет, кругом одни месье и мадам. Сдается мне, однажды утром в корзину полетят новые головы.

Дюрок подошел к негодю.

– Жан Карабен!

Барон вздрогнул, и глаза его немного прояснились.

– Жан Карабен, – повторил юноша.

Барон выпрямился, сжав подлокотники кресла.

– Что вы этим хотите сказать, молодой человек? – спросил он.

– Жан Карабен, я долго вас искал.

– Допустим, когда-то меня так звали, но в то время ты был еще мальчишкой. Какое тебе до этого дело?

– Мое имя Дюрок.

– Не сын ли...

– Сын человека, убитого вами.

Хотя барон выдавил из себя усмешку, в его глазах затаился ужас.

– Что было, то прошло! – крикнул подлец. – В те дни выбирать не приходилось, если ты хотел остаться в живых. Или аристократы, или народ. Либо мы перебьем их, либо они – нас. Твой отец был жирондист. Он пал, а я поднялся на вершину. Большинство же моих соратников плохо кончили. Превратности войны. Забудем их и познакомимся поближе.

Он протянул юноше дрожащую красную руку.

– Довольно, – сказал Дюрок. – Мне бы сейчас проткнуть вас прямо в кресле, вот это было бы правильно. Скрестить с вами саблю – бесчестье для моего клинка. И все же вы – француз, мы с вами служили под одним знаменем. Вставайте и защищайтесь!

– Какие глупости! – вскричал барон. – Это все хорошо для вас, молодых...

Дюрок не вытерпел и ударил его наотмашь, прямо в середину рыжей бороды. Я увидел губу, покрытую кровью, а выше – сверкающие от ярости глаза.

– Ты заплатишь за это жизнью!

– Так-то лучше, – сказал юноша.

– Саблю! – воскликнул барон. – Я скоро вернусь!

Он выскочил из комнаты.

Я уже говорил, что в комнате была вторая дверь. Едва барон скрылся, из-за портьеры выбежала прелестная девушка. Она так быстро порхнула к нам, что мы не успели и глазом моргнуть, лишь колыхание занавеси указывало, откуда она появилась.

– Я все видела! – воскликнула красавица. – О, месье, вы герой!

Она схватила руку моего товарища и целовала ее до тех пор, пока тот не сумел высвободиться.

– Стойте, мадам! Почему вы целуете мне руку?

– Потому что она ударила его по гнусным лживым губам. Потому что, может статься, она отомстит за смерть моей матушки. Я – падчерица этого негодю, дочь женщины, чье сердце он разбил. Я ненавижу его и боюсь. Шаги! Это он!

Девушка исчезла так же внезапно, как появилась. Вошли барон с саблей наголо и человек, что привел нас.

– Мой секретарь, – сказал Штраубенталь. – Он будет секундантом. Однако нам нужно другое помещение. Надеюсь, вы не откажетесь пройти со мной.

Бесспорно, драться в комнате, занятой огромным столом, было невозможно. Мы вышли в сумрачный зал. Вдалеке за открытой дверью горел огонек.

– То, что надо, – сказал чернобородый.

В просторной комнате без мебели вдоль стен стояли ряды бочонков и ящиков, на полке в углу ярко горел фонарь, пол был твердый и ровный. Чего еще желать фехтовальщику? Дюрок выхватил из ножен саблю и влетел внутрь. Барон с поклоном отступил, пропуская меня. Я шагнул через порог, и вдруг тяжелая дверь с грохотом захлопнулась, лязгнул ключ. Ловушка!

На миг мы остолбенели – такая низость просто в голове не укладывалась, – но вскоре поняли свою ошибку. Разве можно было хоть в чем-то довериться такому негодяю? Как же мы разозлились! Мы кляли его за подлость, а себя – за глупость. Мы бросились к двери, колотили в нее, пинали тяжелыми сапогами. Наверное, гром ударов и брань разносились по всему замку. Мы называли барона такими словами, что пробрало бы самого закоренелого мерзавца. Однако дверь была прочной, как и положено двери средневекового замка, ее сделали из толстенных досок, скрепленных железными полосами. Разбить ее оказалось не проще, чем каре Старой гвардии. Напрасно мы кричали и барабанили, только эхо гулко отзывалось из-под высокого потолка. Послужив в армии, быстро привыкаешь мириться с неизбежным. Потому я первым взял себя в руки и убедил Дюрока вместе осмотреть место, ставшее нам темницей.

Здесь было всего одно окошко без стекла, такое узкое, что и головы не высунуть. Предполагалось оно высоко, и Дюроку пришлось встать на бочку, чтобы взглянуть в него.

– Что там? – спросил я.

– Ельник и дорога. А это еще кто? – вдруг воскликнул он.

Я тоже вскочил на бочку. Как и сказал юноша, внизу лежала заснеженная дорога. По ней, нахлестывая коня, бешеным галопом скакал всадник. Фигурка становилась все меньше и меньше, пока наконец не растаяла в лесной темноте.

– Что это значит? – спросил мой друг.

– Для нас – ничего хорошего. Наверное, он поехал за какими-нибудь разбойниками, чтобы те перерезали нам глотки. Давайте посмотрим, не получится ли сбежать из мышеловки, пока не явился кот.

С чем нам повезло, так это с лампой. Она была почти полной, масла хватило бы до утра, так что в темноте шарить не пришлось. Мы стали осматривать тюки и ящики. В некоторых местах их сложили в ряд, а в одном углу нагромодили почти до самого потолка. Похоже, мы оказались в кладовой замка. Чего только здесь не было: и сыры, и всевозможные овощи, и корзины сушеных фруктов, и строй бочек с вином. В одной из них я заметил кран и, поскольку сильно проголодался, с удовольствием перекусил за стаканчиком кларета. Что касается Дюрока, тот на еду смотреть не мог и все ходил взад-вперед по кладовой, сгорая от гнева и нетерпения.

– Погоди, мерзавец! – то и дело восклицал он. – Я до тебя еще доберусь!

Все бы ничего, но пока я ужинал, сидя на огромном сырном колесе, мне не давала покоя мысль, что юноша больше волнуется о чести семьи, чем о том, в какую переделку я угодил по его милости. В конце концов, отец Дюрока уж четырнадцать лет как лежит в могиле, и горю ничем не помочь, а между тем Этьену Жерару, самому храброму солдату Великой армии, грозит опасность погибнуть в самом начале блестящей карьеры. Никто не узнает, каких вершин я мог бы достичь, если меня прикончат из-за участия в темном дельце, которое не имеет отношения ни к Франции, ни к императору. Я все думал, какой же я дурак, ведь меня ждали великие сражения и все, чего душа пожелает, а я ввязался в безрассудную авантюру. Мало мне четверти миллиона русских!..

– Хорошо, – сказал я, когда Дюрок пробормотал очередную угрозу. – Когда выберетесь отсюда, можете делать с бароном что хотите. Пока же вопрос скорее в том, что сделает с нами он.

– Мне все равно! – воскликнул мальчишка. – У меня долг перед отцом.

– Ну что за безрассудство, – ответил я. – У вас долг перед отцом, а у меня – перед матушкой, и он в том, чтобы выбраться из этой передраги целым и невредимым.

Мое замечание охладило его пыл.

– Я совсем забыл о вас! – воскликнул Дюрок. – Простите, месье Жерар. Говорите, что я должен сделать!

– Ладно, – сказал я, – вряд ли нас тут заперли, чтобы угостить сыром. Нет сомнений, нас хотят прикончить. Мерзавцы надеются, что никто не знает, где мы, и если мы не вернемся, искать нас тут не станут. Вы предупредили своих гусар, куда отправились?

– Нет.

– Хм. Смерть от голода нам явно не грозит. Подлецы решили нас убить, но для начала им придется сюда войти. Если мы соорудим баррикаду из бочек, то пятерым злодеям с нами не справиться. Вот почему они послали за подмогой.

– Нужно что-то предпринять, пока гонец не вернулся.

– Именно. Медлить нельзя.

– Поджечь дверь?

– Нет ничего проще. В углу стоят бочонки с маслом. Только вот мы и сами подкоптимся, как две устрицы.

– Как же нам быть? – в отчаянии воскликнул юноша. – Пойдите! Что это?

За окном послышался шорох, звездное небо заслонила тень. Показалась белая ручка, и в ее пальцах что-то блеснуло.

– Скорее! Сюда! – позвал женский голос.

Мы вскочили на бочки.

– Они послали за казаками. Вашей жизни грозит опасность... Ах! Я пропала! Пропала!

Мы услышали топот, хриплое проклятие, удар, и в окне вновь остались только мерцающие звезды. Мы беспомощно стояли на бочках, похолодев от ужаса. Полминуты спустя до нас долетел приглушенный крик. Где-то в ночном безмолвии грохнула дверь.

– Мерзавцы ее убьют! – крикнул я.

Дюрок спрыгнул на пол, рыча, как безумный, и стал колотить в дверь с таким остервенением, что каждый удар оставлял на досках кровавое пятно.

– Смотрите! – воскликнул я, подняв с пола ключ. – Наверняка это девушка бросила его, когда ее схватили.

Мой товарищ с радостным воплем выхватил у меня ключ, но вскоре отшвырнул его. Он оказался таким крошечным, что утонул в огромной замочной скважине. Дюрок опустился на ящик, сжав голову руками, и всхлипнул. Мне тоже захотелось плакать при мысли о бедняжке. Спасти ее мы были не в силах.

Однако Этьена Жерара так легко с толку не собьешь. Девушка принесла этот ключ неспроста. Раздобыть для нас тот, что отпирал дверь, у красавицы не вышло – наверняка кровавадный отчим носил его в кармане. Если маленький ключик бесполезен, стала бы она рисковать из-за него жизнью? Так неужели мы настолько глупы и не найдем, к чему он подходит?

Я принялся расчищать пространство у стены. Моя решимость вселила в Дюрока надежду, и он тоже с превеликим рвением взялся за дело. Нам пришлось как следует потрудиться, ведь здесь было много больших и тяжелых ящиков. Мы работали как одержимые, сваливая бочки, сыры и коробки в кучу посреди комнаты. Наконец в углу осталась лишь огромная бочка с водкой. Выкатив ее оттуда, мы увидели в деревянной обшивке стены

низенькую дверцу. Ключ подошел, и, к нашей великой радости, дверца отворилась. Я с лампой в руке протиснулся внутрь, Дюрок последовал за мной.

Мы оказались в погребе с грубыми каменными стенами. Это был пороховой склад. Кругом стояли бочонки, один, с проломленным верхом, валялся на боку. Порох из него высыпался и лежал на полу черной кучкой. Дальше виднелась еще одна дверь, но она была заперта.

– Положение ничуть не лучше, – простонал Дюрок. – Ключа-то нет.

– Нет? Да их у нас целая дюжина! – воскликнул я.

– Где?

Я показал на ряд пороховых бочек.

– Вы хотите взорвать эту дверь?

– Конечно.

– Но тогда взорвется и погреб.

Он был прав, однако смекалка меня не подвела.

– Тогда взорвем дверь кладовой! – воскликнул я.

Я бросился назад и схватил жестяную банку со свечами. Величиной она была примерно с мой кивер, и в нее вошло бы несколько фунтов пороха. Я срезал конец свечи, а Дюрок насыпал в банку порох. Полковник инженерных войск, и тот не смог бы сделать лучшей петарды. Я положил друг на друга три сырных колеса и поставил ее сверху, прислонив к замку. Мы подожгли фитиль, бросились в укрытие и захлопнули за собой дверь.

Шутка ли, друзья мои, – сидеть рядом с такой горой пороха? Если пламя взрыва проникнет через тонкую дверцу, наши обугленные руки и ноги взлетят выше главной башни. Кто бы поверил, что коротенькая свечка может гореть так долго? Я все прислушивался, не стучат ли по дороге копыта, не скачут ли на расправу с нами казаки. Я уже решил, что фитилек свечи погас, как вдруг дверь склада со страшным грохотом разлетелась, и нас осыпало кусками сыра, репой, яблоками и щепками. Мы выскочили в кладовую. Все кругом заволкло густым дымом, пол устилала обломки и всевозможный мусор, а на месте двери светился пролом. Петарда сделала свое дело.

Сказать по чести, мы и надеяться не смели, что взрыв нам так поможет – он сокрушил не только тюрьму, но и тюремщиков. У самого входа на спине лежал человек с мясницким топором, во лбу подлеца зияла рана. Рядом извивался в агонии огромный пес. Он привстал, и я заметил, что две лапы у него сломаны и болтаются, точно цепи молотила. В тот же миг раздался вопль Дюрока – другая собака вцепилась ему в горло, прижав к стене. Юноша отталкивал ее, отбивался саблей, но тщетно. Лишь когда я выстрелил в голову этого чудовища, оно разжало свои железные челюсти, и его злобные, налитые кровью глаза остекленели.

Медлить было нельзя. Впереди раздался женский крик, исполненный смертельного ужаса, и мы поняли: еще секунда, и будет поздно. В зале оказалось еще двое головорезов, но они тут же шарахнулись в сторону, едва взглянули на наши сабли и гневные лица. С шеи Дюрока на серую опушку ментика лилась кровь. Однако юноша впал в неистовство, он рванулся вперед, обогнав меня, и только из-за его плеча я увидел, что происходит в комнате, где мы впервые встретили хозяина Темного замка.

Посреди нее стоял барон, его спутанная грива топоричилась во все стороны, точно у разъяренного льва. Как я уже говорил, он был рослый, широкоплечий. Глядя на этого великана с багровым лицом и саблей в руке, я не удержался от мысли, что он хоть и страшный злодей, а все же сгодился бы в гренадеры. Позади него в кресле съежилась девушка. На ее белой ручке краснел рубец, а на полу валялся хлыст для собак. Еще чуть-чуть, и мы не успели бы спасти ее от мучителя. Когда мы ворвались в комнату, барон взвыл как волк и бросился на нас, изрыгая проклятия и размахивая саблей.

Я упоминал раньше, что комната была слишком тесна для поединка. Мой друг стоял в узком проходе между столом и стеной, так что я ничем не мог ему помочь. Юноша недурно управлялся с оружием, бился яростно и проворно, точно дикий кот, однако в тесноте его могучий, грузный противник обладал преимуществом. Кроме того, фехтовальщик он был отменный. Барон парировал и наносил ответные удары с быстротой молнии. Его клинок дважды задел плечо Дюрока. Тот сделал выпад, оступился, и Штраубенталь взмахнул саблей, намереваясь прикончить врага, прежде чем он твердо встанет на ноги. Однако я оказался быстрее и подставил под удар наверхие эфеса.

– Прошу прощения, вас еще ждет Этьен Жерар!

Барон оступил и привалился спиной к гобелену, часто и хрипло дыша – порочная жизнь не пошла ему на пользу.

– Отдохните, – сказал я. – Не стану вас торопить.

– Вам-то зачем со мной драться? – пропыхтел он.

– Надо же уделить вам немного внимания за то, что вы заперли меня в кладовой. А кроме того, мне хватит и причины, которую я вижу на руке этой дамы.

– Будь по-твоему! – прорычал он и ринулся на меня, как безумный.

Некоторое время я видел только сверкающие голубые глаза и окровавленное острие, что со свистом пронзало воздух то слева, то справа, но постоянно возвращалось, целя мне в горло и в грудь. Кто бы мог подумать, что в дни революции в Париже так искусно фехтовали. За всю жизнь я не встречал и шестерых противников, которые умели владеть саблей лучше. И все же злодей понял, что обречен. В моих глазах он прочел свой приговор. Лицо барона побледнело, он задыхался, но даже мой смертельный удар его не остановил. Он все размахивал саблей, осыпая меня грязной руганью, а его бороду заливала кровь. На мою долю выпало столько битв, что и не упомнить, и я немало повидал ужасных картин. Однако ничто не заставляет меня содрогаться так, как мысль о багровом пятне, расплывавшемся по огненно-рыжим космам, из которых я вытащил клинок.

Конечно, тогда рассуждать об этом мне было некогда. Едва барон рухнул, девушка, сидевшая в уголке, с радостным криком вскочила и захлопала в ладоши. Дама, ликующая при виде крови, вызвала у меня отвращение. Я и не подумал, какие страдания довелось ей вынести, если она утратила женскую слабость, и уже хотел ее отчитать, как вдруг почувствовал странный удушливый запах. Желтый свет выхватил из сумрака фигуры на выцветшем гобелене.

– Дюрок! Дюрок! – закричал я, тряся товарища за плечо. – В замке пожар!

Обессилев от ран, молодой человек лишился сознания. Я выбежал в зал посмотреть, откуда надвигается опасность. После взрыва сухое дерево дверной рамы вспыхнуло, в кладовой уже загорелись коробки. Я заглянул в пролом, и кровь застыла у меня в жилах – в глубине виднелись пороховые бочки, а перед ними темнела кучка пороха. Не пройдет и нескольких минут, как туда доберется огонь. Друзья мои, до самой смерти я буду видеть, как ручейки пламени бегут к этой черной горке!

Что случилось потом, я припоминаю лишь смутно. Я ворвался в комнату, схватил безвольную руку Дюрока и потащил его за собой, а девушка тянула за другую. Мы выбежали из ворот на снежную дорогу и не останавливались, пока не достигли опушки леса. За спиной послышался треск, я обернулся и увидел, как в зимнее небо взлетел огромный огненный столб. Раздался оглушительный грохот, деревья и звезды закружились у меня перед глазами, и я без чувств рухнул на тело своего товарища.

Прошло много дней, прежде чем я пришел в себя на почтовой станции Аренсдорфа, и еще больше, прежде чем узнал, что произошло. Поведал мне обо всем не кто иной, как Дюрок, который уже готов был вернуться к службе и пришел меня навестить. Это он рассказал, что обломок бревна угодил мне в голову и чуть живого уложил на землю. Польская

девушка побежала в деревню, подняла наших гусар, и те едва успели спасти нас от казаков, которых привел чернобородый секретарь – тот самый, кто на наших глазах унесся галопом по снежной дороге. Что до смелой девушки, дважды спасшей нам жизнь, в тот день я больше ничего о ней не услышал. Но два года спустя, когда нам с Дюроком довелось повстречаться в Париже после Ваграмской битвы, я не слишком-то удивился, обнаружив, что знаком с его невестой и что по странной прихоти фортуны он сам, если того захочет, мог пользоваться именем и титулом барона Штраубенталя и стал владельцем обгорелых руин Темного замка.

Глава II

Как бригадир сразил братьев из Аяччо

Когда императору требовался верный человек, он с большой охотой вспоминал Этьена Жерара, хотя частенько забывал это имя, раздавая награды. И все же в двадцать восемь лет я был полковником, а в тридцать один – бригадиром, мне грех жаловаться на судьбу. Продлилась война еще два-три года, я, может статься, взял бы в руки маршалский жезл, а там недалеко было и до трона. Сменил же Мюрат гусарский кивер на королевский венец. Так почему бы таких вершин не достичь другому кавалеристу? Все мои мечты развеяла битва при Ватерлоо, но пусть я и не вписал свое имя в историю, тем, кто участвовал в великих войнах Империи, оно хорошо знакомо.

Сегодня вечером я хочу рассказать вам об особенном приключении, которое стало причиной моего стремительного взлета и благодаря которому между императором и мной завязалась тайная дружба.

Однако для начала нужно предупредить вас кое о чем. Не забывайте, перед вами участник этих событий. Я говорю о том, чему сам был свидетелем, а потому не пытайтесь опровергнуть мои слова, цитируя мнение студента или какого-нибудь литератора, написавшего исторический труд или мемуары. Эти люди мало что знают, и много есть такого, что навеки останется для мира тайной. У меня самого найдется в запасе несколько удивительных секретов, и я непременно открыл бы их вам, когда бы имел на то право. При жизни императора я и словом не обмолвился бы о приключении, которое мне сегодня вспомнилось. Я дал ему клятву молчать, но теперь, полагаю, не будет вреда, если я расскажу о той примечательной роли, которую сыграл.

Надо сказать, когда подписали Тильзитский мир, я, простой лейтенант Десятого гусарского, не располагал ни особыми деньгами, ни долей в каком-нибудь предприятии. Правда, мой облик и отвага сослужили мне хорошую службу, и я успел уже снискать в армии славу превосходного фехтовальщика, но чтобы выделиться среди множества смельчаков, окружавших императора, нужно было что-то побольше этого. Однако я верил в свою звезду, хоть и представить не мог, в каком невероятном обличье придет ко мне удача.

В 1807 году, после заключения мирного договора, Наполеон возвратился в Париж и много времени проводил с императрицей и двором в Фонтенбло. То были дни его триумфа. После трех победоносных кампаний Австрия угомонилась, Пруссия встала на колени, а русские благодарили Господа, что успели сбежать за Неман. Старый бульдог по ту сторону Ла-Манша еще рычал, но не мог далеко отойти от своей конуры. Если бы тогда с войной покончили, Франция поднялась бы так высоко, как не поднимался еще ни один народ после римлян. Так говорили мудрые люди, правда, сам я в то время думал совсем о другом. Армия возвратилась из долгих походов, и все девушки были нам рады. Уверяю вас, я получил свою долю благосклонности. Вы поймете, как меня любили, если я скажу, что даже сейчас, на шестидесятом году... впрочем, стоит ли распространяться о том, что и так уже достаточно известно?

Наш гусарский полк и конные егеря Гвардии квартировали в Фонтенбло. Как вы знаете, это небольшое местечко, скрытое в сердце леса, и весьма странно было видеть там толпу великих герцогов, курфюрстов и князей, что теснились в те дни вокруг Наполеона, словно щенки вокруг хозяина в надежде, что им перепадет косточка. На улицах куда чаще французской слышалась речь немецкая, ибо союзники Франции в последней войне приехали просить награды, а враги – милости.

Каждое утро наш маленький капрал с бледным лицом и холодными серыми глазами отправлялся на охоту. Он скакал, погруженный в глубокие раздумья, а все эти люди следовали за ним, ожидая, не обронит ли он хоть слово. Если ему заблагорассудится, он мог подарить одному человеку огромные земли, а у другого отнять владения, увеличить королевство, проложив границу вдоль реки, или разделить его по горному хребту. Вот как вел дела этот артиллерист, которому наши сабли и штыки проложили дорогу к трону. Он всегда нас жаловал, понимая, кому обязан властью, и мы это знали тоже, а потому держали головы высоко. Конечно, для нас он был лучшим полководцем на свете, однако мы помнили, что под началом у него – лучшие в мире солдаты.

Так вот, однажды мы с юным Моратом из конно-егерского играли в карты у себя на квартире. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел Лассаль. Вы знаете, каким он слыл удалцом и щеголем, а уж в небесно-голубой форме Десятого от него и вовсе глаз было не отвести. Мы, желторотики, так его любили, что бранились, играли в кости, пили и строили из себя дьяволов, лишь бы походить на своего полковника! Мы не понимали, что Наполеон решил отдать под его начало легкую кавалерию вовсе не за пристрастие к выпивке и азартным играм, а потому, что во всей армии никто не умел так верно оценить местность или силу колонны, выбрать лучший момент для атаки на пехотное каре и заметить, где остались без прикрытия пушки. Нам, юнцам, это было невдомек, а потому мы вощили усы, щелкали шпорами и носили сабли пониже, стирая ножны о мостовую, в надежде, что станем Лассальями. Когда он, позвякивая шпорами, вошел в комнату, мы с Моратом вскочили.

– Мальчик мой, – сказал полковник, хлопнув меня по плечу, – в четыре тебя ждет император.

Все завертелось у меня перед глазами, и мне пришлось опереться на карточный стол.

– Что?! – воскликнул я. – Император?

– Именно, – ответил полковник, с улыбкой глядя на мое растерянное лицо.

– Но император даже не знает, что я существую. Как же он мог за мной послать?

– Это и меня удивило, – отвечал Лассаль, покручивая ус. – Если ему понадобилась верная сабля, зачем искать ее среди лейтенантов, когда у него есть я? Однако, – добавил он и снова добродушно хлопнул меня по плечу, – каждому светит счастливая звезда. Не иначе как я свою уже поймал, ведь я – полковник Десятого гусарского. Теперь пришла твоя очередь. Вперед, мой мальчик. Пусть это станет первым шагом вверх по лестнице, в конце которой ты сменишь кивер на двууголку.

Было только два часа, и Лассаль ушел, пообещав вернуться и проводить меня во дворец. Боже милосердный, что я за это время пережил, сколько предположений строил, гадая, что нужно от меня императору!.. Снедаемый волнением, я расхаживал взад-вперед по своей комнатке. Может, он узнал о пушках, которые мы захватили под Аустерлицем? Но пушки под Аустерлицем захватили многие, и с той битвы прошло уже два года. Или он хочет наградить меня за тот случай с адъютантом русского императора? Но тут я начинал думать, что меня вызывали из-за какой-то провинности, и сердце мое холодело. Было две-три дуэли, которые могли ему не понравиться, да и в Париже после заключения мира я успел немного покурлесить.

Нет! Я вспомнил, что сказал полковник о верной сабле, которая нужна императору.

Очевидно, Лассаль о чем-то догадывался. Не стал бы он меня поздравлять, если бы мне грозили неприятности. Я приободрился и сел писать своей матушке, что в эту самую минуту меня ждет император – хочет узнать мое мнение по одному важному вопросу. Я невольно улыбнулся, подумав, что это удивительное событие для нее станет лишь подтверждением того, что Наполеон – человек здравомыслящий.

В половине третьего я услышал, как по ступеням деревянной лестницы гремит сабля. Вошел Лассаль, а за ним – хромой господин в рубаше с элегантным жабо и манжетами и

черном костюме. Мы, вояки, мало водили знакомство с гражданскими, но, клянусь, от этого человека отмахнуться было нельзя! Одного взгляда на блестящие глаза, смешной вздернутый нос и прямой, резко очерченный рот хватило мне, чтобы понять – передо мной персона, с которой считается сам император.

– Месье Талейран, разрешите представить вам Этьена Жерара, – сказал полковник.

Я отдал честь, и государственный муж смерил меня от султана до шпор взглядом, который был остр, как рапира.

– Вы рассказали месье Жерару, при каких обстоятельствах его потребовал к себе император? – спросил он сухим и скрипучим голосом.

Я не знал, на ком остановить взгляд, до того разными были эти двое: черный проныра-политик и плечистый великан в голубой форме, что стоял, уперев одну руку в бок, а другую положив на рукоять сабли. Оба сели, Талейран – бесшумно, Лассаль – звякнув шпорами, точно боевой конь – сбруей.

– Дело вот в чем, сынок, – начал полковник с обычной своей прямоотой. – Сегодня утром, когда я был в кабинете императора, ему принесли записку. Развернув ее, он так вздрогнул, что она выпала у него из рук. Я подал ему бумажку, но император смотрел перед собой, точно ему призрак явился. «Fratelli dell' Ajaccio, – прошептал он и повторил: – Fratelli dell' Ajaccio». Итальянский за две кампании не выучишь, и я ничего не понял. У меня промелькнула мысль, что он сошел с ума. Вы бы и сами так решили, месье де Талейран, если бы видели его глаза. Он прочел записку и полчаса сидел, точно изваяние.

– А вы? – спросил Талейран.

– Я стоял, не зная, что делать. Наконец император пришел в себя. «Полагаю, Лассаль, – сказал он, – у вас, в Десятом, найдутся удальцы?» «Они все такие, ваше величество», – ответил я. «Есть ли среди них тот, кто хорош в действии, а думать слишком много не любит? Если вы понимаете, о чем я».

Ему требовался верный человек, который не станет задавать лишних вопросов.

«Да, есть один. Истинный гусар от усов до шпор, и на уме у него – только дамы и лошади». «Такой-то мне и нужен, – сказал Наполеон. – Пусть в четыре пополудни явится в мой кабинет». «Так что, сынок, я сразу отправился напрямиком к тебе. Смотри же, не урони чести Десятого гусарского.

Соображения, по которым полковник склонился к своему выбору, ни в малейшей степени мне не льстили. Должно быть, своих чувств я скрыть не сумел, потому что полковник захохотал, а Талейран усмехнулся.

– Напоследок позвольте дать вам совет, месье Жерар, – сказал он. – Вам предстоит плавание в опасных водах, а штурман вы не такой искусный, как я. Между нами говоря, для нас, людей, от которых зависят судьбы Франции, необычайно важна осведомленность, однако никто из нас троих не знает, в чем дело. Вы меня понимаете?

Я представления не имел, к чему он клонит, но кивнул с таким видом, будто мне все ясно.

– Действуйте очень осторожно и никому ни слова, – продолжил Талейран. – Лучше, чтобы нас не видели вместе. Мы с полковником подождем здесь, а когда вы нам все расскажете, поможем вам советом. Ступайте. Его величество не прощает опозданий.

Во дворец я отправился пешком, поскольку до него было рукой подать. В приемной среди множества посетителей сновал Дюрок в новехоньком красном мундире с золотой вышивкой. Я слышал, как мой друг шепнул месье де Коленкуру, что половина этих людей – немецкие герцоги, которые скоро станут королями, а другая половина – герцоги, которые скоро станут нищими. Услышав мое имя, Дюрок сразу проводил меня в кабинет, и я предстал перед императором.

Разумеется, в походах я видел его сотню раз, а вот лицом к лицу – впервые. Уверен, повстречайся вы с ним, не зная, кто он такой, вы только и сказали бы, что это низенький человек с лицом землистого цвета, высоким лбом и точеными икрами. Да, ноги его превосходно выглядели в кюлотах из белого кашемира и белых же чулках. Но даже того, кто незнаком с императором, поразил бы необыкновенный взгляд – в его глазах временами появлялось такое выражение, увидев которое струхнул бы даже гренадер. Говорят, когда Наполеон был всего лишь простым солдатом, сам бесстрашный Ожеро дрожал под его пристальным взором. Однако на меня император посмотрел милостиво и жестом приказал остаться у дверей. Он диктовал что-то де Меневалю, который в паузах после каждой фразы вскидывал на него грустные, как у спаниеля, глаза.

– Довольно, ступайте, – вдруг сказал Наполеон.

Когда секретарь покинул комнату, император заложил руки за спину, быстро подошел и смерил меня взглядом. Сам невысокого роста, он любил окружать себя статными молодцами, так что, думаю, вид мой был ему приятен. Я, в свою очередь, вскинул руку, чтобы отдать ему честь, другую положил на эфес и смотрел прямо перед собой, как и полагается солдату.

– Что ж, месье Жерар, – наконец молвил император, постучав пальцем по золотому шнуру на моем ментике, – о вас отзываются как о весьма достойном молодом офицере. Ваш полковник очень вас хвалит.

Мне хотелось отчеканить что-нибудь этакое, особенное, но в голову лезли только слова Лассалья о том, что я – настоящий гусар, а потому я молчал. Император, должно быть, заметил борьбу чувств на моем лице и, не получив ответа, нисколько не рассердился.

– Думаю, вы тот, кто мне нужен. Смелых и умных людей в моем окружении предостаточно, а вот храбреца, который...

Он не закончил. Я совершенно не понял, что он имел в виду, и просто заверил его в преданности до гробовой доски.

– Вы, кажется, хорошо фехтуете? – спросил император.

– Сносно, ваше величество.

– И ваш полк выдвинул вас на поединок с лучшим рубакой Шамборанских гусар?

Нельзя сказать, чтобы я расстроился, узнав, что он наслышан о моих подвигах.

– Да, государь, мои товарищи оказали мне эту честь.

– Чтобы поупражняться, за неделю до боя вы оскорбили шестерых учителей фехтования.

– Я дрался семь раз за столько же дней, ваше величество.

– И не получили ни единой царапины?

– Мастер из Двадцать третьего полка легкой пехоты задел мой локоть, ваше величество.

– Чтобы я больше не слышал о подобном ребячестве! – крикнул император, внезапно придя в ту самую холодную ярость, которой все страшились. – Разве я назначаю на эти должности ветеранов, чтобы вы совершенствовались с их помощью кватры и терсы? Как мне завоевать Европу, если мои солдаты обращают оружие друг на друга? Если мне еще раз доложат, что вы кого-то вызвали на дуэль, я вас раздавлю!

Наполеон поднял пухлые белые руки к моему лицу. Он уже не говорил, а шипел и рычал. Клянусь, меня прошиб холодный пот, и я охотно поменялся бы местами с солдатом штурмовой колонны, которому предстоит первым лезть по самому крутому склону в самый узкий пролом.

Император шагнул к столу, выпил чашку кофе, а когда снова повернулся ко мне, от его гнева не осталось и следа. Он улыбался той особенной улыбкой, которая трогала губы, но никогда не отражалась в глазах.

– Мне требуется ваша помощь, месье Жерар. С верной саблей рядом я буду чувствовать себя поспокойнее, и у меня есть причины выбрать именно вашу. Но для начала поклянитесь, что сохраните все в тайне. Пока я жив, о том, что произойдет сегодня, не должна узнать ни одна живая душа.

Я вспомнил о Талейране и Лассале, однако слово дал.

– Во-вторых, мне неинтересны ни ваше мнение, ни ваши домыслы. Просто сделайте, что вам скажут.

Я поклонился.

– Мне нужна ваша рука, а не голова. Думать буду я. Понятно?

– Да, ваше величество.

– В лесу есть Роща канцлера.

Я поклонился.

– Там растет старая ель с двумя стволами, под ней во вторник собрались гончие.

Если б он только знал, что у меня там свидания три раза на неделе!.. Я снова поклонился.

– Прекрасно. Встретимся там сегодня вечером в десять.

К той минуте я уже потерял способность удивляться. Попроси он меня занять его место на троне, я бы и то лишь султаном махнул.

– Затем мы вместе отправимся в лес, – продолжал император. – Не берите с собой пистолеты, пусть из оружия при вас будет лишь сабля. Я не скажу вам ни слова, и вы не заговаривайте со мной, мы должны идти молча. Ясно?

– Да, государь.

– Через некоторое время под деревом мы увидим человека или скорее всего двух. Подойдем к ним вместе. На всякий случай держите саблю наготове. Если я заговорю с этими людьми, ничего не предпринимайте. Если же придется вступить в бой, ни один не должен уйти живым. Я вам помогу.

– Государь! – воскликнул я. – С двумя противниками я справлюсь, но не лучше ли мне взять с собой товарища, чем вам участвовать в таком поединке?

– Ерунда, – сказал Наполеон. – Прежде чем стать императором, я был солдатом. Уж не думаете ли вы, что артиллеристы не носят сабель, как вы, гусары? Да и кто разрешил вам спорить? Сделаете как велено. Помните, если дойдет до схватки, надо прикончить обоих.

– Слушаюсь, государь.

– Вот и славно. Это все, можете идти.

Я развернулся, но тут в голову мне пришла одна мысль.

– Ваше величество, я вот подумал... – начал я.

Император бросился ко мне, точно разъяренный тигр. Я был уверен, что сейчас он меня ударит.

– Подумал! – закричал Наполеон. – Ты! Разве я выбрал тебя, потому что ты можешь думать? Чтобы я больше такого не слышал! Ты – единственный солдат, который... Нет, довольно. В десять под елью.

Клянусь, я рад был убраться. Я на своем месте, когда сажу верхом на добром коне, а по стремени позвякивает сабля. Я отлично разбираюсь во всем, что касается зеленого или сухого фуража, ячменя, овса, ржи или командования эскадроном на марше. Но когда я встречаю камергера или гофмаршала, когда мне приходится подбирать слова в беседе с императором, когда все ходят вокруг да около вместо того, чтобы прямо сказать, в чем дело, я чувствую себя точно боевой конь, которого запрягли в дамский экипажик. Притворяются и шаркать ножкой – не для меня. Я человек воспитанный, но не придворный. А потому я был счастлив оказаться на свободе и побежал к себе на квартиру, точно школяр, только что удравший от наставника.

Однако же, распахнув дверь, я увидел длинные ноги в голубых лосинах и сапогах, а рядом – короткие в черных панталонах и ботинках с пряжками. Мои гости вскочили.

– Ну, что?! – воскликнули они в один голос.

– Ничего, – ответил я.

– Император не пожелал вас видеть?

– Нет, мы встретились.

– И что он сказал?

– Господин де Талейран, – произнес я, – к сожалению, ответить на ваш вопрос я не могу. Я дал слово его величеству.

– Ах, мой юный друг! – воскликнул он и подался ко мне, словно кот, что хочет потереться о вас бочком. – Вы же понимаете, все останется между нами. Кроме того, когда император говорит «никому ни слова», он не имеет в виду меня.

– Дворец отсюда в минуте ходьбы, месье де Талейран. Если вас не затруднит, принесите мне письменное уверение императора, что он не имел вас в виду, и я с радостью все вам открою.

Старый лис оскалился.

– Ага, месье Жерар задрал нос! Он еще слишком молод и не видит истинного положения вещей. Со временем он поймет, что иногда младший чин кавалерии поступает не слишком благоразумно, проявляя такую несговорчивость.

Я совсем растерялся, однако Лассаль пришел мне на помощь со свойственной ему прямо-
мотой.

– Мальчик прав. Когда бы я знал, что он дал слово, я не стал бы ни о чем и спрашивать. Он ответит вам, месье де Талейран, вы усмехнетесь про себя и забудете о нем, как я – о бутылке, в которой не осталось бургундского. Что до меня, клянусь, если он выдаст тайну императора, в Десятом полку для этого юноши не останется места, и мы лишимся лучшего рубаки.

Увидев, что мой полковник меня поддерживает, Талейран разозлился еще больше.

– Я слышал, господин Лассаль, – начал он с ледяным высокомерием, – вы большой знаток легкой кавалерии. Если мне понадобится узнать что-то касательно этого рода войск, я с радостью приду к вам за советом. Однако сейчас речь идет о вопросе дипломатическом. Позвольте же мне составить о нем собственное мнение. Пока забота о благе Франции и безопасности его величества вверена мне, я буду делать все, что в моих силах, пусть даже это противоречит минутным желаниям императора. До встречи, полковник Лассаль!

Талейран бросил на меня недобрый взгляд, развернулся и вышел быстрыми, бесшумными шажками.

Судя по лицу полковника, тот был совсем не рад, что разозлил всемогущего министра. Лассаль выругался, подхватил саблю и кивер и, звеня шпорами, сбежал вниз по лестнице. Я выглянул из окна и увидел, как они шагают по улице вместе – великан в голубой форме и хромой человечек в черном. Талейран шел, держа спину так прямо, будто шест проглотил, полковник объяснял что-то, размахивая руками, – наверное, оправдывался.

Император приказал не думать, и я прилагал к тому все усилия. Морат оставил на столике карты. Я попробовал сыграть сам с собой в экарте, но забыл, какая масть была в козырях, и с досадой швырнул их под стол. Потом вытащил из ножен саблю и делал колющие удары, пока не устал. Все зря. В голову упрямо лезли мысли. В десять в лесу я должен встретить императора. Да разве мог я представить такое, встав с постели сегодня утром? И ответственность, ужасная ответственность! Все зависело от меня, больше надеяться было не на кого. Я похолодел. На поле боя мне столько раз доводилось смотреть в лицо смерти, но лишь в тот день я узнал, что такое настоящий страх. Однако затем я рассудил: мне, человеку смелому и благородному, остается только в точности исполнить распоряжения. Если все прой-

дет хорошо, это дело наверняка положит начало моей карьере. Так, в страхах и надеждах, я провел долгий-предолгий вечер, и вот настало время отправиться в лес.

Не зная, надолго ли ухажу, я надел шинель, а уж на нее – португую. Чтобы ногам было легче, я сменил гусарские ботинки на башмаки с гетрами. Наконец я выскользнул из дома и зашагал по улице. В голове сразу прояснилось – когда нужно не размышлять, а действовать, я всегда на высоте.

Я миновал казармы гвардейских егерей, прошел мимо кофеен, битком набитых военными. Среди темных спин пехотинцев и светло-зеленой формы гидов¹ мелькали голубые с золотом мундиры моих товарищей. Те попивали вино и дымили сигарами, не подозревая, какая миссия на меня возложена. Один из них, командир моего эскадрона, увидел меня в свете фонаря, выбежал и окликнул. Однако я притворился, что не слышу, и он, обругав мою глухоту, вернулся к своей бутылке.

В Фонтенбло до леса рукой подать. Тут и там деревья прокрадываются прямо на улицы, как тиральеры, идущие впереди колонны. Я свернул на тропу, что вела к опушке, а затем быстро зашагал к старой ели. У меня, как я уже намекал, были свои причины хорошо узнать это место, и я благодарил судьбу, что сегодня не встречаюсь там с Леони. Бедняжка умерла бы от страха, увидев императора, а он мог отнестись к ней слишком сурово или, того хуже, слишком благосклонно.

Светил месяц. Я пришел в условленное место и увидел, что явился на встречу не первым. Император ходил взад-вперед, заложив руки за спину и глядя себе под ноги. На нем была шинель с пелериной, которую он накинул на голову. В похожей одежде я видел Наполеона зимой, во время Польской кампании. Говорили, он носит ее, потому что под капюшонном удобно прятать лицо. В Париже или на биваке он любил прогуляться ночью и послушать, о чем беседуют в кабачках или у костров. Однако фигура и походка Наполеона были всем хорошо знакомы, а потому его всегда узнавали и начинали говорить то, что ему приятно слышать.

Я уже испугался, что император отчитает меня за опоздание, когда большие часы на церкви Фонтенбло пробили десять раз и стало ясно, что это не я задержался, а он пришел слишком рано. Я вспомнил, что мне приказали молчать, а потому встал шагах в четырех от императора, щелкнул шпорами, опустил саблю и отдал честь. Он взглянул на меня, развернулся и, не говоря ни слова, неторопливо зашагал вперед. Я пошел следом. Император настороженно посматривал кругом, словно опасался, что за нами следят. Я тоже огляделся, но, хотя глаза у меня острее, увидел только рваные заплатки лунного света между огромными черными тенями деревьев. Мой слух ничуть не уступает зрению, и раз или два мне почудился хруст сломанной ветки, однако в ночном лесу много разных звуков, и трудно определить, откуда они доносятся.

Хотя идти пришлось километра два, я понял, куда мы направляемся, гораздо раньше, чем мы добрались до цели. Посреди одной поляны стоит высокий расколотый пенек, бывший когда-то громадным деревом. Его называют Буком Настоятеля, и об этом месте ходит столько ужасных слухов, что не многие храбрецы согласились бы постоять там на часах. Однако нам с императором не было дела до этих глупостей. Мы пересекли поляну и подошли к древнему стволу. Рядом с ним ждали двое.

Сначала они стояли за пнем, будто прячась, затем, когда мы приблизились, вышли навстречу. Император оглянулся и немного замедлил шаг. Будьте уверены, я подвинул саблю, чтобы выхватить ее в любой момент, и не сводил глаз с тех, кто к нам направляется.

Один был очень высокий и тощий, другой – слишком низенький, он ступал быстро и решительно. Оба кутались в черные плащи, перекинув их через плечо, так что с одной

¹ Гиды – личная охрана императора, состоявшая из ветеранов. – *Здесь и далее примеч. пер.*

стороны они свисали, как у драгун Мюрата. На головах незнакомцев чернели шляпы с низкими тульями, позже я встречал такие в Испании. Лица неизвестных скрывала темнота, но я все же заметил, как посверкивают их глаза. Луна светила им в спину, и впереди по земле ползли длинные тени – именно такие фигуры и ожидаешь увидеть ночью возле Бука Настоятеля. Помню, они двигались бесшумно, и лунный свет образовал два белых ромба между их ногами и ногами теней.

Император остановился, незнакомцы замерли в двух шагах от нас. Я подошел к своему спутнику, и мы четверо встали лицом к лицу. Мое внимание особенно привлек долговязый: я заметил, что он сам не свой от волнения. Его трясло, я слышал, как он часто дышит, словно усталый пес. Вдруг коротышка цыкнул, подавая товарищу знак. Долговязый присел, будто нырять перед прыжком, однако я выхватил саблю и выскочил ему навстречу. В тот же миг малыш рванулся вперед и ударил длинным кинжалом прямо императору в сердце.

Боже праведный! Я похолодел от ужаса и только чудом не рухнул замертво сам. Будто в кошмарном сне я смотрел, как серая шинель дернулась, и в лунном свете между лопатками блеснуло залитое кровью острие. Наполеон с предсмертным хрипом упал в траву, а убийца, даже не вытащив оружия из тела жертвы, вскинул руки и торжествующе закричал. Я вонзил саблю в его солнечное сплетение с такой яростью, что от удара гарды в ребра он отлетел на шесть шагов и уж тогда упал. Я развернулся к другому подлецу в кровожадном иступлении, которого не испытывал ни до той ночи, ни после. Перед глазами сверкнул кинжал, я почувствовал на шее прохладное дуновение, и запястье негодяя скользнуло по моему плечу. Я сделал выпад, но он отпрянул, бросился наутек и в несколько скачков, словно олень, пересек залитую луной поляну.

Кинжал сделал свое дело. Несмотря на молодость, я повидал уже немало битв и знал, что удар смертелен. Я замешкался на секунду, чтобы коснуться холодной руки.

– Государь! Государь! – в отчаянии крикнул я.

Он не ответил, не шевельнулся. Вокруг тела в лунном свете расплзлось темное пятно, и я понял – надежды нет. Я вскочил, сорвал с себя шинель и во весь дух понесся за вторым подлецом.

Как хорошо, что мне хватило ума прийти в башмаках и гетрах! И как хорошо, что я сбросил шинель. Негодяй не сумел избавиться от своей накидки, а может, от страха и думать о ней забыл. Я быстро его настигал. Он, должно быть, совсем потерял голову, потому что даже не пробовал скрыться в тени, а несясь от поляны к поляне, пока не выскочил на пустошь, за которой лежала огромная каменоломня. Я видел злодея как на ладони и знал, теперь деваться ему некуда. Что правда, то правда, бежал он очень быстро – как трус бежит от смертельной опасности. Однако я гнался за ним по пятам, будто неумолимый рок. С каждой секундой расстояние между нами уменьшалось. Он шатался, едва не падал, я уже слышал его хрипкое, свистящее дыхание. И вот впереди разверзлась пропасть, мерзавец оглянулся на меня, заскулил и вдруг пропал из виду.

Представьте себе, пропал без следа! Я подбежал к месту, где он только что стоял, и взгляделся в черную бездну. Неужели он прыгнул? Я почти уже решил, что так и есть, когда услышал во тьме едва различимое пыхтение. Этот звук подсказал мне: подлец спрятался в сарае.

Внизу был уступ, а на нем – деревянная постройка для рабочих. Вероятно, этот болван подумал, что в темноте я не отважусь туда за ним последовать. Плохо же он знал Этьена Жерара! Я спрыгнул, ворвался в лачугу и, услышав шорох в углу, налетел на мерзавца.

Он отбивался, точно дикий кот, но куда было его кинжалу против сабли. Кажется, я проткнул врага сразу, потому что, как ни старался он меня прикончить, удары его слабели. Наконец кинжал звякнул об пол. Убедившись, что подлец мертв, я вскарабкался по склону и, точно в кошмарном сне, побрел через пустошь.

В ушах шумела кровь. Все еще сжимая в руке обнаженную саблю, я шел куда глаза глядят, пока не заметил впереди, на поляне, узловатый пенек, который теперь навсегда был связан с ужаснейшей минутой в моей жизни. Я сел на упавший ствол, положив на колени оружие, сжал виски и постарался осознать происходящее.

Император доверился мне. Император убит. Эти мысли звенели у меня в голове, заглушая все остальные. Он пришел со мной и погиб. Пусть я исполнил его приказания, пусть отомстил за смерть, что с того? Весь мир обвинит в случившемся меня. Возможно, люди даже решат, что я – убийца. Что я смогу доказать? Есть у меня свидетели? Разве не мог я быть сообщником этих подлецов? Вечное бесчестье – вот мой удел, во всей Франции не найдется столь презренного человека. Значит, конец моим честолюбивым мечтам и надеждам матушки. При этой мысли я горько рассмеялся. Что делать? Вернуться в Фонтенбло, поднять на ноги дворец и рассказать, как на моих глазах закололи императора? Так поступить я не мог. Нет, не мог! Для благородного человека, который по воле рока попал в такое положение, остается лишь один выход. Я должен броситься на свою опозоренную саблю и разделить участь императора, от которой не смог его уберечь. Я встал, твердо намерившись исполнить скорбный долг, поднял глаза, да так и ахнул. Передо мной стоял Наполеон!

Он был шагах в десяти от меня, его спокойное бледное лицо освещала луна. Пелерину он откинул на плечи, а шинель расстегнул, под ней виднелись белые кюлоты и зеленый мундир гида. Император, как всегда, заложил руки за спину и чуть опустил голову.

– Ну, – произнес он самым резким и суровым голосом, – и что это вы собрались делать?

Наверное, постой он молча еще немного, я бы рехнулся. Строгий армейский тон был тут как нельзя кстати, он-то и привел меня в чувство. Живой или мертвый, император был здесь, он задал мне вопрос. Я вытянулся в струнку и отдал честь.

– Одного вы прикончили, как я вижу. – Наполеон кивнул в сторону пня.

– Да, государь.

– Второй скрылся?

– Нет, государь, его я тоже убил.

– Что? – воскликнул он, шагнул ко мне, и луна осветила его белозубую улыбку. – Я не слышался, мертвы оба?

– Этот лежит здесь, ваше величество, – ответил я. – А другой – в сарае каменоломни.

– Значит, братьев из Аяччо нет! – воскликнул Наполеон и добавил вполголоса, будто говорил сам с собой: – Тень больше не вернется.

Он положил руку мне на плечо.

– Вы сослужили хорошую службу, мой юный друг, и оправдали оказанное вам доверие.

Так, значит, он был из плоти и крови, мой император! Я чувствовал прикосновение маленькой пухлой руки, но все никак не мог забыть то, что видел своими глазами. Я таращился на императора в такой растерянности, что он снова улыбнулся.

– Нет-нет, месье Жерар, я не призрак, и меня никто не убивал. Взгляните сюда и сами все поймете. – С этими словами он развернулся и зашагал к огромному стволу.

Над распростертыми телами стояли двое. Приблизившись, я по тюрбанам узнал Рустама и Мустафу, телохранителей-мамлюков. Наполеон подошел к трупу в серой шинели, откинул капюшон, и я увидел человека, совсем непохожего на императора.

– Здесь лежит верный слуга, отдавший жизнь за своего повелителя. А согласитесь, месье де Гюден напоминал меня сложением и манерой держаться.

Какое счастье захлестнуло меня, когда все объяснилось! Я готов был заключить императора в объятия! Тот улыбнулся, но отступил, угадав, что я хочу сделать.

– Вы не ранены?

– Нет, государь. Правда, я с горя собирался...

– Ладно, ладно вам! – перебил он. – Вы отлично справились. Гюден сам виноват, ему следовало быть осторожней. Ведь я все видел.

– Но как, государь?

– Значит, вы не слышали, как я шел за вами по лесу? С тех самых пор, как вы покинули квартиру, и до того момента, когда погиб несчастный де Гюден, я ни на миг не упустил вас из виду. Поддельный император шел впереди вас, а настоящий – сзади. Теперь нам пора, проводите меня во дворец.

Он шепнул что-то мамлюкам, те молча отдали честь и остались на поляне. Я следовал за императором, и доломан мой распирало от гордости. Я и раньше держался настоящим гусаром, но, клянусь честью, в ту ночь сам Лассаль не мог бы шагать и взмахивать ментиком с такой удалей. Кому еще было щелкать шпорами и греметь ножнами по мостовой, как не мне, Этьену Жерару, наперснику императора и лучшему фехтовальщику во всей легкой кавалерии, юноше, который сразил негодяев, задумавших убить Наполеона? Однако император заметил мое ликование и тут же напустился на меня.

– Значит, вот как вы себя ведете, когда на вас возложена тайная миссия? – прошипел он, глядя на меня своим особенным ледяным взглядом. – Так ваши товарищи ничего не заподозрят? Прекратите, месье, или окажетесь в саперах, а там и служба не сахар, и султаны поскромнее.

Вот каков был наш император. Стоило ему заметить, что кто-то претендует на дружбу с ним, он быстро ставил этого человека на место. Я отдал честь и не сказал ни слова, но, признаюсь, после того, что мы вместе пережили, такое обращение меня ранило. Император провел меня во дворец через боковой вход, и мы направились в кабинет. У лестницы на часах стояли два гренадера. Слово даю, у них глаза чуть не вылезли из-под меховых шапок при виде молодого гусарского лейтенанта, который в полночь поднимается в императорские покои! Как и днем, я остался у дверей, а Наполеон сел в кресло и молчал так долго, что я уже начал опасаться, не забыл ли он про меня. Наконец я отважился напомнить о себе и тихонько кашлянул.

– А, месье Жерар, – промолвил император, – вам, конечно же, любопытно узнать, что все это значит?

– Я нисколько не обижусь, если ваше величество решит оставить меня в неведении.

– Бросьте, – нетерпеливо сказал он. – Это на словах вы такой, а едва шагнете за порог, сразу начнете расспрашивать каждого встречного. Через два дня об этом случае узнают ваши товарищи-офицеры, через три – весь Фонтенбло, а на четвертый – Париж. Если я удовлетворю ваше любопытство, у меня еще будет надежда, что вы сохраните тайну.

Император очень во мне ошибался, однако я не смел ему возразить и лишь склонил голову.

– Все очень просто, – быстро заговорил он, встав и меряя шагами кабинет. – Те двое – корсиканцы. В юности я знал их, мы принадлежали к одному обществу. Братья из Аяччо, вот как мы себя называли. Этот союз основали давно, еще при Паоли, в нем соблюдались особые правила, и никто не мог нарушить их безнаказанно.

Наполеон помрачнел, и мне показалось, будто все, что было в нем французского, исчезло. Передо мной стоял корсиканец – страстный и мстительный. Он погрузился в воспоминания о днях своей молодости и минут пять быстрыми шажками ходил взад-вперед по кабинету, точно маленький тигр. Затем наконец досадливо махнул рукой.

– Этот кодекс, – продолжил Наполеон, – хорош для простого человека. Раньше я свято его чтил, но обстоятельства меняются. Живи я по старым правилам, это не пошло бы на пользу ни мне, ни Франции. Братья решили призвать меня к ответу. Те двое были главами нашего ордена; они прибыли сюда с Корсики и написали, что ждут меня в условленном месте. Я понимал, что означает подобный вызов: с таких встреч еще никто не возвращался.

С другой стороны, отказаться было нельзя, иначе они сделали бы что-то ужасное. Не забывайте, я сам – член братства и хорошо знаю их обычаи.

В глазах императора снова блеснула сталь, и он сжал губы.

– Вот перед каким выбором я оказался, месье Жерар. Как бы вы поступили на моем месте?

– Рассказал бы все ребятам из Десятого, – с жаром ответил я. – Мы прочесали бы лес и швырнули подлецов к вашим ногам.

Он с улыбкой покачал головой:

– У меня были веские причины не брать их живыми. Вы же понимаете, что язык убийцы не менее опасен, чем его кинжал. Не стану скрывать, я хотел избежать огласки любой ценой. Вот почему я приказал вам явиться без пистолетов. Мамлюки уничтожат все следы этого происшествия, и о нем никто не узнает. Я долго думал, как поступить, и уверен, что выбрал наилучший способ. Отправь я с де Гюденом большую охрану, братья к нему и не подошли бы, а вот один солдат не мог их испугать. Когда я получил послание, рядом оказался полковник Лассаль. Это и навело меня на мысль поискать надежного человека среди гусар. Я выбрал вас, месье. Мне нужен был тот, кто прекрасно владеет саблей и не станет задавать много вопросов. Храбрость и мастерство вы уже доказали, а теперь, надеюсь, оправдаете и мое доверие.

– Государь, – ответил я, – не сомневайтесь в этом.

– Пока я жив, никому ни слова о том, что произошло.

– Ваше величество, я выброшу все из головы. Забуду начисто. Обещаю, что выйду отсюда таким же, каким вошел в четыре часа.

– Не получится, – заметил император с улыбкой. – Тогда вы были лейтенантом. А теперь желаю вам спокойной ночи, капитан.

Глава III

Как бригадиру в руки попал король

На лацкане моего пиджака есть лента, но саму награду я храню дома, в кожаном мешочке. Я вынимаю ее, только если в наш городок занесет кого-нибудь из теперешних генералов, которые и пороху-то не нюхали, или какого-нибудь важного иностранца, и он решит воспользоваться случаем и выразить почтение знаменитому бригадиру Жерару. Тогда я надеваю медаль и закручиваю свои седые усы а-ля Маренго, так что кончики достают до самых глаз. И все же, боюсь, ни мои гости, ни вы, друзья, и представить не сможете, каким я был в молодости. Вы знаете меня как человека гражданского, пусть с выправкой и манерами, но все же. А видели бы вы меня первого июля 1810 года в Аламо, на пороге гостиницы, тогда-то и поняли бы, что такое гусар.

Я проторчал в той проклятой деревушке целый месяц, а все из-за того, что получил пикой в лодыжку и не мог наступить на ногу. Сначала со мной было еще трое горемык: старый Буве из гусар Бершени, кирасир Жак Ренье и забавный маленький капитан вольтижеров, не помню, как его звали. Однако все они выздоровели и спешно отправились на передовую, бросив меня сидеть, кусать ногти и рвать от досады волосы. Сознаюсь, я даже плакал иногда при мысли о моих беднягах, конфланских гусарах, которые остались без полковника. Как вы понимаете, бригадой я тогда еще не командовал, хоть и держался уже как настоящий бригадир, зато стал самым юным полковником во всей армии, и полк был для меня все равно что жена и малые дети. У меня душа болела, когда я думал, каково им приходится без меня. Конечно, о них пекся майор Вилларе, отличный солдат, но все-таки даже среди лучших есть лучшие.

Что за счастливый был день, когда я впервые дохромал до двери и вышел на золотое испанское солнышко! Только прошлым вечером я получил вести от моих ребят. Они стояли по ту сторону гор, в Пасторесе, лицом к лицу с англичанами. От Аламо – километрах в шестидесяти, но как мне было туда попасть? Та самая пика, что вонзилась в мою лодыжку, прикончила моего коня. Я спросил совета у хозяина, Гомеса, и у старого священника, который провел в гостинице ночь, но те лишь развели руками – во всей округе не осталось и жеребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.